

Липранди Иван Петрович

Война 1812 года

**Замечания на книгу "История
Отечественной войны 1812 года
по достоверным источникам"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И17

И17 **Иван Петрович Л.**
Война 1812 года: Замечания на книгу "История Отечественной войны
1812 года по достоверным источникам" / Липранди Иван Петрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 339 с.

ISBN 978-5-519-93550-0

ISBN 978-5-519-93550-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

но-энциклопедическаго Лексикона, подъ главнымъ его завѣдываніемъ, а въ подобныхъ изданіяхъ тщательное согласованіе статей есть одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ.³ А по тому всѣ погрѣшности, которыя могутъ быть замѣчены въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» должны быть отнесены единственно или къ поспѣшности въ работѣ, или къ нашему равнодушію, что прежніе подобные труды Г. Профессора не были пропущены чрезъ строгую критику, какъ бы на основаніи его официальнойности, а это, въ свою очередь, легко могло повести и высшее начальство къ заключенію о непогрѣшимости писателя. Въ настоящее время труды по Отечественной военной Исторіи доступны критическому разсмотрѣнію, и критика обязана этѣмъ пользоваться. Званіе не должно быть щитомъ, который бы прикрывалъ недостатки. Оно имѣетъ свое почетное мѣсто въ служебной іерархіи, но отнюдь не въ наукѣ: здѣсь оно ступеневывается.

Что же касается собственно до моего мнѣнія, то хотя оно можетъ быть и ошибочно, я сознаюсь, что убѣжденъ въ невозможности описывать съ ясною отчетливостію тѣ военныя дѣйствія, въ которыхъ сочинитель не участвовалъ самъ, какъ бы, впрочемъ, онъ ни былъ свѣдушъ въ военныхъ наукахъ. Онъ напишетъ, пожалуй, Исторію событій вообще, но никогда не изобразить вѣрно и отчетливо Исторію битвъ.

Въ этомъ убѣжденіи утвердился я еще болѣе, когда прочелъ въ Предисловіи къ книгѣ Г.-М. Богдановича, что

³ Смотри Русск. Инв. 1858 г., № 199.

онъ употребилъ только три года на изученіе матеріаловъ, на сравненіе ихъ, на критическій разборъ и, наконецъ, на изложеніе предмета!

Знакомый по опыту съ трудами подобнаго рода, я долго недоумѣвалъ, какимъ образомъ можно было, въ столь короткое время, и при томъ не участвовавъ въ войнѣ 1812 года, современною рожденію сочинителя, изучить и сообразить сотни печатныхъ сочиненій объ оной, не говоря уже о неисчетномъ множествѣ частныхъ записокъ и неисчерпаемомъ источникѣ архивовъ. Но, впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Вѣдь были же люди, одаренные сверхъестественными способностями, какъ, на пр., Францискъ Бошато, Монткальмъ, Іоаннъ-Филиппъ Баратье и другіе. Назову между ними въ особенности одного, который ближе всѣхъ, подходитъ къ нашему писателю по учености, по увѣренности въ своихъ знаніяхъ, въ непогрѣшимости въ оныхъ и наконецъ, по скромной самоудѣянности: это знаменитый Пикъ де ла Мирандола. Почему же подобному явленію не повториться и въ наше время? Мои понятія о трудахъ на военно-историческомъ поприщѣ ни чего не значатъ; не всѣ люди одинаковыхъ способностей: то, что трудно одному, не составляетъ ни чего для другого; одинъ, по строжайшей критической разборкѣ, осмотрительно сближаетъ разногласія, осторожно разсуждаетъ о тѣхъ и о томъ, кого не видалъ и чего не слышалъ, стараясь все подкрѣплять ссылками. Другой, болѣе отважный на этомъ поприщѣ, съ полною самоуверенностью, или на непогрѣшимость своихъ умозаключеній, или на окружающую его обстановку, склеиваетъ книгу изъ всего, что ни понало, и спускаетъ ее съ руки, при

одобрительныхъ восклицаніяхъ журналовъ, мало заботящихся о содержаніи хваляемаго ими сочиненія.

Впрочемъ, каковъ бы этотъ трудъ ни былъ, для насъ драгоцѣнны великія событія, имъ излагаемыя. До сихъ поръ у насъ на это сочиненіе не было еще даже и общаго критическаго взгляда, который появился только въ текущемъ 1866 году, въ третьей книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.» Статья эта, подъ заглавіемъ: «Недоумѣніа, возбужденныя чтеніемъ сочиненія: «Исторія Отечественной войны, соч. Г. Богдановича» (почтенный сочинитель скрылъ свое имя подъ буквою А), проникнута глубокой истиной и въ высшей степени знаніемъ дѣла⁴ и критическаго взгляда на это сочиненіе. Между тѣмъ книга была уже переведена на Нѣмецкій языкъ и разобрана въ «Австрійскомъ военномъ журналѣ.»

Замѣчанія мои на «Исторію Отечественной войны 1812 года»⁵ могутъ быть найдены нѣсколько сильными, но пусть такъ! Говоримое мною не есть голословіе, а основывается на событіяхъ, и сужденія мои во всякомъ случаѣ не носятъ характера Птоломеевыхъ «Я» (?), или рассказовъ Мюнхгаузена, съ которыми почтенный творецъ упомянутаго сочиненія такъ остроумно сравнилъ засвѣдѣ-

⁴ Есть нѣсколько странныйхъ замѣчаній на отдельные эпизоды и, между ними, конечно, первое мѣсто занимаетъ статья П. Глѣбова, помѣщенный въ «Артиллерійскомъ Журналѣ». О чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

⁵ Разборъ былъ сдѣланъ еще въ 1861 году и одобренъ цензурой, но я не напечаталъ его тогда по тому, что находилъ несообразнымъ съ моимъ взглядомъ, нѣкоторые исключенія мѣстъ, взятыхъ изъ Французскихъ источниковъ и т. д.

тельствова́нія того, въ чемъ я участвовалъ. Замѣчательная статья его была вызвана моею,⁶ по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ въ Парижѣ.⁷ Почтенный Профессоръ напечаталъ свою громоносную статью въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 1, 1858), подъ заглавіемъ: «Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи батареей Раевского?»

Я отвѣчалъ на нее подъ тѣмъ же заглавіемъ (Сѣв. Пч., 17 Мая, 1858), и что же изъ всего этого вышло? Знаменитый военный исторіографъ нашъ, въ изданной два года спустя «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» не только что ни чего не доказалъ изъ того, что такъ горячо онъ выразилъ въ своей статьѣ «Военнаго Сборника», а, напротивъ, ввелъ въ свою книгу мои указанія и, само собою разумѣется, не сдѣлавъ ссылки на меня. Не

⁶ Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, что главное ожесточеніе возражавшихъ мнѣ заключалось въ томъ, что я провелъ параллель между Генеральнымъ Штабомъ моего времени и настоящимъ.

⁷ Статьи, напечатанныя въ «Сѣверной Пчелѣ», въ самомъ началѣ 1858 года, въ №№ 36, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 62, 63, 64 и 65, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ», и другая: «Краткое обзорѣніе эпизода Отечественной войны (изъ Мих.-Данн.), съ прибытія Князя Смоленскаго къ арміи 17-го Августа до оставленія Москвы 2-го Сентября». На эту статью послѣдовало столь же неумѣстное, какъ и на первую, возраженіе въ «Русскомъ Инвалидѣ» № 64, 1858 года, подъ заглавіемъ: «Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ» и пр., за подписью: «Офицеръ Генеральнаго Штаба». Я отвѣчалъ на нее въ «Сѣверной Пчелѣ», № 80, подъ заглавіемъ: «Отповѣдь», тѣмъ все и кончилось. Изъ обѣихъ статей этѣхъ видно нежеланіе, чтобы кто либо иной дерзалъ говорить о войнѣ, описаніе которой предпринято Гг. Профессорами.

ловко же было сдѣлать ее на Птолommeево «Я» и на разсказъ «Мюнхгаузена.»

Въ настоящихъ замѣчаніяхъ я слѣдовалъ мнѣнію Адмирала Шишкова (Зап. стр. 247), что «правда—груба, но при здоровомъ разсудкѣ убѣдительнѣе всякой лести,» и вполне раздѣлилъ мнѣніе почтеннаго Г. П. Зарубина (Сѣв. Пчела, 1863 г., № 205), сказавшаго, что «мы не безъ цѣли высказали свои замѣчанія довольно въ рѣзкихъ чертахъ, по тому что знаемъ положительно, что легкое замѣчаніе въ дѣлѣ науки бесполезно: оно проскользнетъ только въ воображеніи человѣка, не сдѣлавъ ни какого впечатлѣнія» и т. д. Слѣдуя упомянутымъ взглядамъ, не буду стѣсняться и я высказывать свое мнѣніе, а при томъ сдѣсь рѣчь не касается ни личности, ни Птолommeевыхъ «Я», и ни Мюнхгаузена, а дѣло идетъ объ очищеніи Исторіи Отечественной войны 1812 года; сверхъ того, подражая (слегка, однако же) Г. Профессору, я долженъ былъ стать для полемики на ту же почву характера изложенія, который употребилъ почтенный Профессоръ; иначе я высказался бы, можетъ быть, сдержаннѣе, а, пожалуй, вовсе бы не высказался. Хотя истина въ каждомъ предметѣ, и особенно въ военной Исторіи, вырабатывается преимущественно полемикой, и каждый предметъ и повѣствователь онаго должны называться чистымъ именемъ по своему достоинству, но у насъ до сихъ поръ сила солову ломала, и только недавно сословная литературная монополія начала, кажется, слабѣть, чисто же военная, казалось, и никогда не должна бы быть въ этомъ положеніи. Лишенная политическихъ взглядовъ, она, какъ наука, должна пользоваться полной свободой обсужденій, гласностію, разумѣется,

людей безпристрастных и повимающих дѣло, должна произнести свой приговоръ. Что же касается собственно моего заключенія объ этой книгѣ, то, по недостаткамъ и погрѣшностямъ, какъ видно будетъ, она принадлежитъ къ разряду тѣхъ книгъ, которыя Θεодоръ Газа, знаменитый ученый XV столѣтїя, находилъ необходимымъ бросать въ море.»

Предлагаемая здѣсь статья раздѣлена на двѣ части: въ первой я разсматриваю разборъ этой Нѣмецкой критики, а во второй предлагаю свои замѣчанїя.

И. Липранди.

ЧАСТЬ I.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА АВСТРІЙСКІЙ ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБЪ

ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,

сочиненіе Г.-М. Богдановича.

Въ еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду,» 22 и 23 (1864 г.) сообщается о переводѣ сочиненія Г.-М. Богдановича на Нѣмецкій языкъ Поручикомъ Баумгартеномъ, и объ отзывѣ, сдѣланномъ объ этомъ сочиненіи «Австрійскимъ военнымъ журналомъ.» Я не видалъ ни перевода, ни упомянутого отзыва, которыхъ и не намѣренъ доискиваться; ибо достаточно прочитавъ разборъ, чтобы получить ясное понятіе о господствующемъ мнѣніи въ Нѣмецкихъ замѣчаніяхъ на переводъ этой книги. Въ разборѣ, дающемъ отчетъ о сочиненіи Г.-М. Богдановича, видна, такъ сказать, вся суть. ¹ Я сдѣлаю свои и замѣчанія на нѣкоторые мѣста этого разбора.

Почтенный разбиратель, говоря о книгѣ Генерала Михайловскаго-Данилевскаго «Описаніе Отечественной войны 1812 года», отзываясь о ней слѣдующимъ образомъ: «Это сочиненіе надѣлало много шума въ военномъ мірѣ, но оно не нашло сочувствія въ

¹ Разсматривая этотъ разборъ, невольно рождается мысль и самое убѣжденіе, что этотъ Нѣмецкій писатель нагло издѣвается надъ нашими понятіями о военномъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, о невѣжествѣ нашемъ въ военной литературѣ. На чемъ я основываю эти заключенія, видно будетъ въ своемъ мѣстѣ.

слѣдствіе преувеличеннаго патріотизма автора, ² узкой его односторонности, слѣпой ненависти ко всему иностранному, ³ доведенной до нерасположенія даже къ нашимъ полководцамъ не Русскаго происхожденія, какъ, на примѣръ, къ Барклаю и къ Толю, ⁴ и наконецъ, слѣпаго поклоненія автора всему коренному Русскому въ лицѣ Кутузова.»

На смыслъ возмутительной рѣзкости приведенныхъ словъ къ обвиненію Данилевскаго въ патріотизмѣ, всякія замѣчанія излишни: но дѣло въ томъ, гдѣ же въ этомъ сочиненіи его видно нерасположеніе къ Барклаю и къ Толю, по тому только, что они не кореннаго Русскаго происхожденія? Напротивъ, стоитъ только вникнуть въ описаніе одной лишь Бородинской битвы, чтобы оцѣнить отзывъ Данилевскаго объ этомъ полководцѣ, гдѣ, между прочимъ, исторіографъ говоритъ: «Общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его (Барклая) сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска, но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему ура!» А между тѣмъ, вѣдь, не онъ уже былъ Главнокомандующимъ, а войско какъ бы внутренне признаетъ его за своего вожда въ присутствіи самого Кутузова; и наконецъ разсмотрѣть приведенныя Данилевскимъ письма Государя къ Барклаю. Если бы Александръ Ивановичъ былъ движимъ тѣмъ чувствомъ, которое ему приписывается, онъ очень бы легко могъ и не приводить ихъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни чего подобнаго, приблизительнаго относительно къ Кутузову: письма къ этому

² Не Русскимъ могъ показаться такой патріотизмъ преувеличеннымъ. Русскіе могли имѣть ошибочный взглядъ на военныя дѣйствія, но отнюдь не помѣрять патріотизмъ локтями. Онъ долженъ былъ быть полный, и былъ таковымъ.

³ Слѣпой ненависти! Въ это время, пусть это такъ, но въ наше время мы увидѣли иностранцевъ уже не слѣпыми глазами, а такъ, какъ они есть, вполнѣ, въ самомъ ясномъ свѣтѣ.

⁴ Мимоходомъ, Толъ никогда не былъ полководцемъ. По смерти Дибича, онъ нѣсколько дней, въ качествѣ начальника Главнаго Штаба, заведывалъ арміею, и въ это время особенныхъ подвиговъ не было, хотя безспорно онъ бы и могъ совершать ихъ, если бы представился случай, но случая не было. Въ строгомъ смыслѣ значеніе слова полководецъ къ нему не идетъ, а еще тѣмъ болѣе, что въ 1812 году онъ былъ только Полковникомъ.

последнему носить совершенно иной характеръ. Подвигами Барклая при Бородинѣ и письмами къ нему отъ Государя, Кутузовъ какъ бы отодвигается на второй планъ, а это объяснилъ Данилевскій, и по тому все сказанное въ этомъ отношеніи Г. разбирающимъ о Генералѣ Данилевскомъ пристрастно и голословно; ибо дѣло говоритъ противное.

Если же до назначенія Кутузова встрѣчаются у Данилевскаго мѣста, въ которыхъ говорится о неудовольствіи будто бы арміи, по причинѣ продолжительнаго отступленія, ⁵ то объ этомъ находимъ едва ли не гораздо болѣе у Генерала Богдановича, особенно въ довѣрительныхъ письмахъ Князя Багратиона и другихъ, роптавшихъ на дѣйствія Барклая и писавшихъ въ Петербургъ, часто съ видимымъ пристрастіемъ и другими тайными двигателями личностей. Данилевскій не помѣстилъ этихъ писемъ, но не могъ же онъ не упомянуть о неудовольствіи арміи, очень естественномъ тогда, буде дѣйствительно оно существовало въ такихъ размѣрахъ, какъ другая сторона это представляла. Отечественная война при тогдашнихъ условіяхъ желала имѣть главой кореннаго Русскаго, а для гармоніи управленія требовалось старѣйшаго въ чинѣ про-

⁵ Впрочемъ, въ сущности, неудовольствіе (или, пожалуй, какъ нѣкоторые преувеличаютъ оное степенью выше, даже ропоть), если и было, то это ограничивалось кружкомъ въ высшихъ кругахъ, и что Генералъ Богдановичъ пояснилъ гораздо болѣе, нежели Данилевскій. Армія, въ общемъ значеніи слова, имѣла полную довѣренность къ Барклаю, котораго она знала и помнила въ войны Тильзитскую и Финляндскую, и ежедневно видѣла его на конѣ предъ собой, съ тою невозмутимостью въ опасностяхъ, которая одна привязываетъ подчиненнаго къ своему полю въ то время, когда взаимно стоятъ лицомъ къ лицу со смертію. Извѣстность Кутузова въ главной арміи была извѣстность историческая, а по тому и ограничивалась для очень немногихъ. Войска въ послѣднее время, подъ его предводительствомъ дѣйствовавшія въ окрестностяхъ Дуная, были далеко отъ него въ другихъ арміяхъ. Если же въ главной арміи находились Офицеры и солдаты, бывшіе подъ его начальствомъ въ 1805 году, то Аустерлицкое страшеніе имѣло на нихъ неблагоприятное впечатлѣніе; ибо они не разсуждали о причинахъ несчастнаго исхода этой битвы, что было доступно только высшимъ. Къ сему слѣдуетъ присовокупить еще и то, что (по чему-то) не имѣли довѣрія къ словамъ его; на какомъ это основаніи было, не знаю, но выдаю это за дѣйствительность.

тивъ всѣхъ другихъ, начальствовавшихъ отдѣльными арміями, какъ это было признано и въ Петербургѣ.⁶

О Толѣ же я ни чего особеннаго не отыскалъ, а знаю только, что Михайловскій-Данилевскій всегда сознавалъ и высоко цѣнилъ достоинства Карла Фёдоровича; написалъ книгу свою при его жизни и не разъ ссылается на его Журналъ и другія свидѣтельствующія.

Во всякомъ случаѣ обвиняя кого либо въ патріотизмѣ къ Русскому и ненависти къ иноземному, т. е., какъ тутъ понимается, къ Нѣмецкому, пусть даже и въ преувеличенной степени, слѣдуетъ перенестись въ ту пору, когда Русскіе видѣли разорителями своими почти всѣ народы Европы, нахлынувшіе на нихъ вмѣстѣ съ Нѣмцами.⁷ Конечно, на это возразятъ, что Данилевскій писалъ спустя двадцать восемь лѣтъ, что онъ былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, а по тому долженъ былъ стоять выше народныхъ распаленій противъ врага и т. п. Положимъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ преуспѣвателей все это такъ: лучше оуждать и даже бранить своихъ, нежели иноземцевъ и пр.; но, вѣдь, Данилевскій участвовалъ въ упомянутой борьбѣ, слѣдовательно, не могъ не раздѣлять тогдашняго народнаго чувства, будучи самъ кореннымъ Русскимъ, а по тому болѣе или менѣе и не усвоить этого чувства; а патріотизмъ, въ какой бы усиленной степени ни былъ, не можетъ быть безусловно порицаемъ. Чтобы обвинять въ этомъ, однихъ словъ недостаточно; нужны для сего ссылки, очищенные критикой, а гдѣ же данныя? Если они

⁶ Положительно можно сказать, что если бы были живы Фельдмаршалы: Князь Прозоровскій и Графъ Каменскій, съ небольшимъ за два года умершіе, или Графъ Гудовичъ, умершій послѣ 1812 года, и получили бы знаніе Главнокомандующихъ, они одинаково удовлетворили бы желаніе Россіи, если бы послѣдній имѣлъ достаточно силъ въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, и пр.

⁷ Я помню очень хорошо, что, когда мы остановились на Бородинскихъ поляхъ, вѣлики были люди, которые рассказывали, что въ тѣхъ же мѣстахъ, во время нашествія Жолкевскаго на Москву, Нѣмцы, наемщики Русскихъ, измѣнили и передались Полкамъ. Извѣстный Генералъ Костенецкій, начальникъ артиллеріи 6-го корпуса, Дохтурова, рассказывалъ всѣмъ и каждому это событіе такъ, какъ бы онъ самъ былъ свидѣтелемъ оному.